

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: ЧЕЛОВЕК ВИРТУАЛЬНЫЙ И АКТУАЛЬНЫЙ

Р.А. ДУНАЕВ¹⁾
А.Н. ЧЕРНЯКОВ²⁾

*Белгородский государствен-
ный институт искусств
и культуры*

¹⁾*e-mail: r_dunaev@bk.ru*

²⁾*e-mail: achernyakov@bk.ru*

В статье рассматриваются разграничение виртуального субъекта у Делеза и Гваттари децентрированного онтологически и фукианского субъекта децентрированного дискурсивными практиками.

Ключевые слова: виртуальный субъект, сингулярность, дискурс, антропологический тип.

Попытка выяснить местоположение виртуального субъекта и обосновать возможность его существования привела нас к необходимости прояснить онтологию виртуального субъекта. Что, по сути, было ответом на вопрос: «возможен ли виртуальный субъект?» – а также, в рамках какого философского дискурса есть возможность его обнаружения. Очевидно того, который мыслит бытие множественным, та установка на полионтичность о которой говорил Н.А. Носов. И эта философская традиция довольно обширна, несмотря на то, что все-таки, в определенной мере маргинальна. К ней могут быть отнесены плюралистические учения древнегреческой натурфилософии, философия стоиков и эпикурейцев, Лейбница и Спинозы, «философия жизни» в лице Бергсона и Ницше, Жюль Делеза, на которого мы преимущественно опираемся. Оказалось, что множественное бытие предполагает присутствие субъекта, но довольно специфичного. Специфичного настолько, что возникает вопрос, как возможен такой субъект? Реален ли он, или же только мыслим. Это проект, требующий своей реализации и реализующийся, или все же следствие теоретических построений и не более. Ведь как мы выяснили, бытие может предполагать актуализацию, а может и не предполагать. Станным образом необходимо выяснить, насколько виртуален виртуальный субъект.

Провозгласив существование виртуального субъекта, и определив его как децентрированного, «пассажира без места», номадического субъекта и т.п., мы «невольнo» вывели особую генерацию субъекта, существующего особым образом; тем самым подспудно утверждая, что есть и другой субъект – не виртуальный. И сейчас мы должны разграничить этих двух и тем самым выяснить, что представляет собой субъект виртуальный.

Прежде чем говорить о субъекте, следует сказать о языке, инструменте которому доступен виртуальный субъект. Для его определения мы исходим из объекта (виртуального субъекта). Субъекта-объекта который располагается на поверхности, то есть является пересечением сингулярностей, «точкой сборки» миров, виртуальных вселенных, которые могут «высвечиваться» – актуализироваться посредством воли (Бергсон) или желания (Делез). Волю и желание мы отождествляем. И если для описания онтологии виртуального субъекта более уместным был язык Бергсона и Делеза, то для описания самого виртуального субъекта язык Делеза и Гваттари. Более того, такая методологическая позиция дополняется нами аспектом сравнения, который, по нашему мнению, позволит более точно определить виртуального субъекта. По-прежнему, как и в предыдущем параграфе, мы попытаемся сравнить шизофренического (виртуального) субъекта у Делеза (децентрированного онтологически) и фукианского субъекта (децентрированного дискурсивными практиками).

Субъект Делеза и Гваттари оказывается не только точкой случайного пересечения сингулярностей, но еще и субъектом желающим. Человек оказывается «желающей машиной» включенной в оборот желания, циркулирующего по бинарным структурам. Машиной, состоящей из других машин, сосуществовавших между собой. Сингулярность, которая сама будучи вселенной соприкасается с другими вселенными сингулярностями. Важен кругооборот, непрерывное перемещение желания и наполнение им. Машина-человек, наполненная желанием, передает его другой машине-сингулярности, присоединяясь к ней. Избыток – недостача – вот логика функционирования желающего субъекта: «желающие

машины – это бинарные машины с бинарным правилом или ассоциированным режимом; одна машина всегда состыкована с другой. Продуктивный синтез, производство производства, имеет коннективную форму: «и», «и еще»... Дело в том, что всегда есть машина, производящая поток, и другая, присоединенная к ней, производящая срез, выборку из потока (грудь – рот). А поскольку первая машина, в свою очередь, подключена к другой, по отношению к которой она действует как срез или выборка, бинарная серия оказывается линейной во всех направлениях. Желание постоянно осуществляет стыковку непрерывных потоков и частичных объектов, по существу своему фрагментарных и фрагментированных¹. То есть, желание является скрепой фрагментов человека. Субъект это конструкция, произведенная желанием, и не только в онтологическом смысле, но и в других.

У М. Фуко сам вопрос о реальности субъекта не ставится, ибо субъект возникает как эффект дискурса, а реальность дискурсивного не ставится под сомнение. Дискурс сам творит реальность или же реальность и есть дискурс. Возникает соблазн поставить в теоретической схеме Делеза и Гваттари на место желания дискурс и итог останется тем же – равным субъекту. Как в первом случае субъект есть пересечение сингулярностей, так во втором дискурсивных практик. В «Ненормальных» Фуко этот процесс возникновения субъекта показан довольно четко на примере тех, кто называется «ненормальными». Они возникают на пересечении двух дискурсов и институтов: судебного и медицинского. Так судебный дискурс конструирует преступника с помощью медицинского. Власть, соответственно, конструирует субъекта посредством таких дискурсивных практик. Иначе для нее субъект не существует (и не существует вообще). Эти координаты, чтобы «вычислить» субъекта, становятся более явными при рассмотрении функций судебной экспертизы: 1) первой функцией является «удвоение преступления целым рядом других, отличающихся от правонарушения вещей: рядом манер поведения, образом жизни, который в дискурсе психиатра-эксперта...предстает как причина... отправная точка правонарушения. 2) Второй функцией психиатрической экспертизы является удвоение виновника преступления...преступником»². В XVIII веке появляется особый субъект – преступник, которого ранее не было. 3) Третья функция заключается в том, что: «учреждается фигура врача, который будет одновременно врачом-судьей»³. Вот целый спектр определенных субъектов, которые возникают вследствие судебного дискурса.

Дискурс делает реальными тех или иных субъектов. Причем «делает», создает в буквальном смысле. Подобно тому, как у Делеза субъект соткан из совокупности сингулярностей, фукианский субъект становится таковым в дискурсе. Являясь при этом его эффектом. Судья становится собой в практиках говорения, и психиатр так же. Они оба следствие реализации разновидностей властного дискурса: судебного и медицинского. В нем они сливаются и объединяются, когда судья неотличим от психиатра, так как оба суть эффекты власти: «психиатр действительно становится судьей, он действительно совершает акт следствия, причем не на уровне юридической ответственности индивидов, а на уровне их реальной виновности. И наоборот, судья дублируется медиком»⁴. И такая «эффектная» онтология не позволяет изыскать возможность ускользания от власти. Субъект не просто фиксируется аксиоматикой, он сам ею становится. Субъект это дискурс, который существует по своим правилам, выход за которые не возможен. За ними есть другой дискурс и другие правила и так далее. Тотальность нормы в которой растворен субъект. Норма или же власть, в данном случае являет собой уровень онтологии. Предел, которым ограничена вся теоретическая схема.

Возвращаясь к виртуальному – желающему субъекту следует поставить вопрос: считать ли, что виртуальный субъект и субъект не виртуальный противостоят друг другу, как движимые разными полюсами желания: Эросом и Танатосом? Скорее речь должна идти об амбивалентности желания. «Тело без органов» создается желанием и сопутствует «желающим машинам». Хотя субъект соответствующий «Телу без органов» всегда оста-

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С.18.

² Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. – СПб.: Наука, 2004. – С. 36-40.

³ Там же. – С. 44.

⁴ Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. – СПб.: Наука, 2004. – С. 45.

ется периферийным и маргинальным в обществе, что обуславливается его онтологическим статусом и «неопределенной» функцией.

Два обозначенных нами субъекта (тело без органов – виртуальный субъект и желаящая машина – субъект не виртуальный) есть два регистра желания: расточение и ограничение. Даже не смотря на то, что желание ограничено, не желание выглядит странно. «Желающие машины» образуют сообщество служащее этой цели. Общество основано на регламентации желания и его канализации. Суть общества, таким образом, неизменна, меняются лишь механизмы ограничения желания: «Задача социуса всегда сводилась к следующему: кодировать потоки желания, записывать их, регистрировать, делать так, чтобы никакой поток не оставался незакрытым, неканализованным, неупорядоченным. Когда первичной территориальной машины было уже недостаточно, деспотическая машина установила определенный тип перекодирования. Но капиталистическая машина, поскольку она возводится на ранее или позднее возникших руинах деспотического Государства, оказывается в совершенно новой ситуации – ситуации раскодирования и детерриторизации потоков»⁵.

Таким образом, еще раз повторим, что всегда есть двое, два основополагающих антропологических типа: субъект виртуальный и субъект не виртуальный, шизофреник и параноик. Первый всегда ускользающий, противящийся любой определенности, записи и кодированию. Он не может сказать о себе: «я рабочий, русский, гражданин...» и т.д. второй стабилен и определен, кодирован и детерриторизован. Виртуальный субъект оперирует сингулярностями и образован ими, он есть их случайное пересечение. Субъект не виртуальный действует на уровне абстрактностей и статистических систем, которые отторгают сингулярности в пользу абстрактного множества. Шизофреник связан с желанием, которое раскодировано и детерриторизовано, вне вытеснения и сублимации, без преград и ограничений. Параноик производит инвестирование желания в инструменты его же подавления. Направляет желание на установление детерриторизации и аксиоматики, заставляет его работать над своим же угнетением. Один всегда индивидуален, сам по себе и противится любого объединения, то, что можно назвать частичностью. Другой коллективен и становится собой только в социуме. Стремится к «стадности» и желает ее.

Отсутствие кодирования есть так же и невозможность провозглашения своих целей, отсутствие деклараций и лозунгов. Виртуальный субъект как субъект поверхности, персонификация тела без органов, не нуждается в цели и ее рационализации, а так же обоснования. (Без)цельность как невозможность артикуляции цели, так и сущностная без-цельность, отсутствие цельности, децентрированность.

Виртуальный субъект может рассматриваться как содержащий цель в себе самом. Совмещение цели и результата, что обуславливается пограничным состоянием. Бесстрастностью. Так же отсутствие цели в плане практики виртуального субъекта есть инструмент перекодировки желания и его направления на молекулярный уровень. Это средство преобразования мира.

Список литературы

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С.18.
2. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. – СПб.: Наука, 2004. – С. 36-40.

DIFFERENTIATION: VIRTUAL MAN AND ACTUAL MAN

R.A.DUNAEV¹⁾

A.N. CHERNYAKOV²⁾

*Belgorod State Institute
of Art and Culture*

¹⁾*e-mail: r_dunaev@bk.ru*

²⁾*e-mail: achernyakov@bk.ru*

The deviation of virtual subject in Deleuze's and Guattari's hypothesis which is decentered ontologically and Foucault's subject which is decentered by discursive practices is discussed in this article.

Key terms: virtual subject, singularity, discourse, anthropological type.

⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С.58.